

Купите папиросы. Секрет рождения (не) советского хита

Афиша программы «Папиросн»
Германа Яблокова

Маэстро с женой — певицей
Беллой Майзель

Эта популярная песня с простым и коротким названием *Папиросн* («Папиросы») идеально подходит для иллюстрации эпохи НЭПа в Советском Союзе. Сага о подростке, торгующем вразнос в холодную и ненастную погоду и умоляющем прохожих купить сигареты, уверяя, что те не подмочены дождем. Из текста ясно, что деньги нужны, чтобы купить самое необходимое и не умереть с голоду. Зачин отражает драматизм ситуации:

А калте нахт,

А неблдике финстер унетум,

Штейт а ингеле фартроерт,

Ун кюхт зих арум

Ночь туманна и дождлива, за окном темно,

Мальчик маленький рыдает только об одном.

Он стоит, к стене прижатый

И на вид чуть-чуть горбатый,

И поет на языке родном

Первая мировая, октябрьский переворот, красный и белый террор, гражданская война, советская власть и снова перманентный террор. Бессчетное количество погибших, разрушенные семьи, дети, живущие на улице, пытающиеся выжить любым путем. Герой *Папиросн* вполне вписывается в этот контекст. У каждого слушателя сентиментальная мелодия вышибает слезу, а у знающих идиш — нечего и говорить. Многие согласятся, что песня эта — одна из лучших о той мрачной поре. Автором ее значится некий Герман Яблоков, о котором в СССР слухом не слыхивали, впрочем, мало ли народу бесследно исчезли в Стране Советов в те страшные годы...

А теперь — разрыв шаблона. Песня, столь созвучная определенному периоду советской истории, на самом деле родом из США, автор ее не жил в Советской России, да и создана она была лишь в начале 1930-х. Владелец славянской фамилии Герман Яблоков на самом деле оказывается уроженцем Гродно Хаимом Яблоником. Родился он в небогатой еврейской семье в 1903 году, в десять лет уже пел в синагогальном хоре, а в двенадцать начал играть детские роли в местном театре на идише. В семнадцать он оставляет дом в уже польском Гродно и поступает в небольшую театральную труппу «Ковнер фарейникте групп», с которой начинает кочевать по городам и местечкам Литвы и Польши. В 1924 году Яблоник через Германию и Голландию добирается до Соединенных Штатов, где продолжает играть в еврейских театрах. По приезде в Америку Хаим превращается сначала в Хаймана, а затем в Германа, и меняет фамилию.

Реклама театра Яблокова на Второй авеню

Сочетая таланты актера, режиссера, драматурга, поэта, композитора и продюсера Хаим становится одной из самых заметных персон Второй авеню, известной как «Идиш-Бродвей», где кучковались еврейские театры. Достаточно сказать, что более 35 лет он был бессменным президентом Еврейского актерского союза. 1920 — 1930-е — эпоха расцвета театрального искусства на идише в Соединенных Штатах. Яблоков ведет еженедельную радиопередачу на идише, а его фирменное блюдо — музыкальные спектакли и пьесы, самым успешным из которых стал «Дер Паец» («Клоун»). Один из музыкальных спектаклей Германа носит название «Папиросн» — в нем впервые в 1932 году и прозвучала песня, о которой идет речь. Яблоков немедленно включил ее в свою радиопередачу, и она мгновенно стала популярной и за пределами театрального Нью-Йорка.

В 1933 году песня попадает в известное музыкальное издательство братьев Каммен («J and J. Kammen Co.»). В ее судьбе принимает участие и Генри Линн

— несмотря на англосаксонские имя и фамилию, — уроженец Белостока, тоже не последний человек в еврейском театре. Линн вместе с Яблоковым снимают короткометражный 15-минутный игровой фильм на сюжет песни и пьесы. В роли 11-летнего продавца сигарет, мерзнущего на перекрестке, чтобы продать сигареты и заработать на жизнь, снялся юный Сидней Люмет — сын польских еврейских актеров-эмигрантов, в те дни только мечтавший о кинематографической карьере. Через много лет он осуществил свою мечту, став одним из ведущих кинорежиссеров Голливуда. Достаточно сказать, что в его активе — один из лучших фильмов в истории мирового кино — «Двенадцать разгневанных мужчин», ставший классикой кинематографа. В 1935 году пьеса и короткометражный фильм «Папиросн» вместе пошли в McKinley Square Theater в Бронксе. Всё это лишь упрочило популярность песни.

Между тем кое-что в этой истории не совсем ясно. В ней явно присутствует русский след, что следует из русского слово «купите» в тексте песни, за которым, правда, тут же идет аналог на идише — *койфт*. Да и папиросы существовали лишь на пространстве Российской Империи, на Западе курят сигареты. Но Яблоков, а именно он является автором оригинального текста, никогда не жил в Советском Союзе, а текст написан в начале 1930-х, когда Герман уже был вполне уважаемым американцем. Поищем разъяснений у самого автора. После войны он издал книгу «Клоун: вокруг света с театром на идише», где сообщает, что замысел этой песни возник у него еще в 1922 году, когда он жил и работал в Ковно (Каунасе) — тогдашней столице Литвы. Это многое объясняет, ведь Литва граничила с Советским Союзом, и в Ковно, разумеется, были в курсе происходящего у соседей. А русский язык уроженец Российской Империи Яблоник знал, как и то, что такое папиросы. Тогда, в Ковно, Хаим решил, что выводить песню в свет еще рано и вернулся к ней уже в США, где смог достойно раскрутить.

Альбом сестер Берри

Интересно, что в своих воспоминаниях Яблоков подтверждает только авторство слов, но не музыки. Герман пишет о народной мелодии, которую он лишь обработал, придав ей нужную музыкальную форму. Чья же это мелодия? Она столь грустна, что может сойти за румынскую дойну, особенно в исполнении еврейских музыкантов. Или венгерский мотив. В свое время эта мелодия, обозначенная как «цыганская свадебная», попала на диск с фольклорными произведениями румынских цыган. В 1930-х годах в Соединенных Штатах вышла пластинка с популярными греческими мелодиями — «Папиросн» там тоже есть, уже под названием «Цыганского хасапико» (хасапико — греческий народный танец). Известный болгарский

этнограф, профессор Николай Кауфман нашёл болгарскую народную песню, напоминающую произведение Яблокова. Хотя профессор не исключает, что мелодия эта, благодаря странствующим музыкантам, попала в его страну из Румынии. Ясно лишь, что мелодия широко ходила по Восточной Европе и была известна еврейским клезмерам, которые, возможно, и донесли ее до ушей Германа.

Популярность песни лишь возросла после Второй мировой, во многом, благодаря турне Яблокова по лагерям для перемещенных лиц в Германии, Австрии и Италии, за что он был награжден почетным дипломом армии Соединенных Штатов. В этих лагерях было около 200 000 евреев, в том числе детей. Кого-то освободили из нацистских лагерей смерти, кто-то прятался на чердаках, в погребах, в лесах, у соседей-христиан... Концертное турне, а Герман дал более ста представлений, вызвало огромный интерес, а герой «Папиросн», разумеется, вызывал сострадание соплеменников, чудом избежавших смерти. Позднее популярность песни обеспечило ее исполнение дуэтом сестер Берри. Яблоков был знаком с сестрами, участвовал в их работе над песней и результатом стал маленький шедевр, который хотелось многократно слушать, даже не понимая язык, на котором пели сестры Берри. Кроме того, сам Яблоков много гастролировал со своей супругой — известной актрисой и певицей Беллой Майзель, поэтому и в Европе, и в Южной Америке, и в Израиле песня звучала на его концертах.

Надгробие Германа Яблокова и Беллы Майзель

Автор «Папиросн» умер в 1981 году. А его песня? Песня живет. Трудно найти клезмерский оркестр, в репертуаре которого не было бы этой мелодии с солирующей партией на любимом еврейском инструменте — кларнете. Вариант песни с несколько измененным ритмом — прекрасная танцевальная мелодия. Именно так ее исполнял еще в 1930-е годы в Соединенных Штатах популярный оркестр под руководством Эйба Эльштейна при солировании виртуоза кларнетиста Дейва Тараса. Очень любят эту мелодию в Аргентине, где она исполняется в ритме танго, правда, со словами на идише. В одном я абсолютно уверен: песня нравится миллионам, и часто даже в самом неожиданном месте вы можете услышать: «Купите, койфт-же, койфт-же папиросн, с'из трукене, нит фун регн фергоссен» («Купите-же, купите папиросы, они сухие, не подмоченные дождем»). Это все те же неувядаемые и не исчезающие «Папиросн».

Вениамин Чернухин, специально для «Хадашот»

Наиболее известную версию «Папиросн» на русском языке можно назвать не переводом, а, скорее, вольным пересказом оригинала.

Ночь туманна и дождлива, за окном темно,
Мальчик маленький рыдает только об одном.
Он стоит, к стене прижатый
И на вид чуть-чуть горбатый,
И поет на языке родном:

Друзья, купите папиросы!
Подходи, пехота и матросы!
Подходите, пожалейте,
Сироту меня согрейте!
Посмотрите, ноги мои босы.

Мой папаша под Херсоном жизнь свою отдал,
Мамочку мою с винтовки немец расстрелял,
А сестра моя в неволе
Погибает в чистом поле —
Так свое я детство потерял.

Друзья, купите папиросы!

Подходи, пехота и матросы!
Подходите, пожалейте,
Сироту меня согрейте!
Посмотрите, ноги мои босы.

**Подстрочный же перевод с идиша производит еще более
драматическое впечатление:**

Холодная ночь, туманно, темно кругом.
Стоит мальчик опечаленный и оглядывается по сторонам.
От дождя защищает его только стена,
Корзинку держит он в руке,
И его глаза молчаливо просят каждого:
У меня уже нет больше сил слоняться по улице,
Голодному и оборванному, от дождя промокшему.
Я выпрашиваю милостыню с раннего утра —
Никто не дает мне заработать,
Все смеются, потешаются надо мной.

Купите же, купите папиросы —
Сухие, дождем не намоченные.
Купите дешево, я вам доверяюсь,
Купите — сжальтесь надо мной,
Спасите от голода меня сейчас.
Купите же спички — ценные вещицы,
Тем самым вы сироту утешите.
Напрасны мои крики и моя беготня —
Никто не хочет у меня покупать,
Сгинуть мне придется, как собаке.

Мой папа на войне потерял обе руки,
моя мама не смогла вынести страданий,
молодыми загнали себя в могилу —
А я остался на свете
Несчастный и одинокий, как камень.
Крошки собираю я, чтобы есть, на старом рынке,
Жесткая скамейка — моя постель — в холодном парке.
И к тому же полицейские

Бьют меня тяжелыми дубинками —
Их не трогают моя мольба, мой плач.

У меня была сестренка,
Вместе со мной она побиралась целый год.
С ней мне было намного легче,
Не так тяжело переносился голод,
Стоило лишь взглянуть на нее.
Однажды она очень ослабла и заболела,
У меня на руках она умерла на тротуарной скамейке.
И, когда я ее потерял,
Я понял, что утратил всё —
Пусть же смерть придет и ко мне тоже.